

Ольга Иженякова

НА КРЫШЕ ХРАМА ЯБЛОНЯ ЦВЕТЕТ

*Рассказы о святых
и верующих*

Ольга Петровна Иженякова
На крыше храма яблоня
цветет (сборник)

Серия «Рассказы о святых и верующих»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6649588

*Ольга Иженякова. На крыше храма яблоня цветет: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083650-5*

Аннотация

Эта книга о поисках Бога, о сокровенной жизни истерзанной души. О том, как не сломаться и продолжать жить. А еще о действии Божией благодати, которая помогает в самые страшные минуты жизни, и человек, здесь, на Земле, начинает жить по законам неба. «Богу всё возможно» – говорили христиане во все времена, и эту истину понимаешь на примере главной героини – одинокой больной женщины с ребенком. Пройдя мучительный путь страданий, она шаг за шагом постигает известные истины и её жизнь меняется в одночасье. Не случайно один из символов христианства звучит так: «Сим победиши». Книга помогает взглянуть на свою жизнь свежим взглядом, найти опору и приобрести истинную христианскую любовь.

Содержание

Совсем не страшно, не больно, не тепло, не холодно	4
Музыка тишины	15
Билет на небо	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Иженякова
На крыше храма
яблоня цветет
Рассказы о святых
и верующих

*Погибшие цветы ожили снова —
От одного живого слова.*

Совсем не страшно, не
больно, не тепло, не холодно

Врач сказал, операция будет довольно сложной, и мне надо серьезно к ней подготовиться. Составить у нотариуса завещание, отнести комнатные цветы, кота и рыбок родителям или друзьям, прибрать все личные вещи и... не волноваться.

Последнее может только усугубить мое нынешнее состояние, а это сейчас нежелательно.

Я молча слушаю. В ординаторской открыто окно, и ветер нервно, совсем по-человечески теребит шторы. «И пожалуй-

ста, не забудьте подстричься, – заключил медик, – коротко, очень коротко. Все равно вам перед операцией голову побреем. Так что постарайтесь хотя бы немножечко облегчить нам задачу и подготовиться сами. И пожалуйста, не задерживайтесь утром...»

В коридоре поликлиники непривычно тихо.

Я иду по бледно-желтому линолеуму, который только что помыли хлоркой, мой тридцать девятый быстро делает отражения-отпечатки. Раз-раз-раз. Новенькие туфли умело подчеркивают стройные бледные ноги, я бы сказала даже худые, но не скажу, надо себя любить. Хотя бы теперь, накануне, а потом...

О, как я не права!

Если я буду где-то, пусть и вне тела, значит, там тоже будет любовь. Я почему-то в этом уверена. Иногда. Что за странность? Уезжать из родного гнезда в семнадцать, безнадежно ломать жизнь среди чужих людей, а потом удивляться, почему в больнице никто не навещает. Да очень просто. Не нужна я в этом мире ни-ко-му, кроме одного маленького человечка, который уверен, что я повелеваю звездами, людьми, машинами, ветрами и бурями и вообще всем, что есть в этом огромном мире, он меня называет своей мамой, а я его сыном.

Я – Арина Райдер, двадцатипятилетний безнадежно больной журналист.

Природа прощается со мной как может. Холодный ветер

забрасывает меня гнилыми листьями, придорожным мусором.

По дороге быстро ездят грязные машины. Мчатся, будто торопятся изо всех сил на тот свет. Я их понимаю. Этот не слишком привлекателен. Иду медленно. Сегодня я последний раз иду по этой тропинке, одинокие прохожие моей медлительности удивляются, зачем, спрашивается, подолгу смотреть, да еще так внимательно, на окружающую серость? Отовсюду проступающий густой мрак. Так бывает только ранней весной или поздней осенью.

По правде сказать, я всегда серости боялась. Еще в детстве меня пугала сама мысль стать таким же потребителем, как все, смотреть тупо целыми днями телевизор, хлопать коврики на детской площадке, запасаться вареньями-солениями на всю зиму с таким остервенением, как будто на всю оставшуюся жизнь. И жить, как живут все вокруг, ну или почти все — сезонами редиски.

Мерещился мир, полный солнца, цветов и красивых замков.

Одно время даже обшарпанный подъезд, в котором я живу, стал вдруг напоминать большой старинный корабль, устремляющийся в неведомое, а потому, безусловно, прекрасное пространство, и тогда я поняла: все, больна. Стали мучить ночами кошмары, а затем появились приступы боли и забывчивости. Через полгода силы медленно начали оставлять меня. Приходила слабость, а вместе с ней и непонятное

успокоение.

Вскоре я поняла его природу: успокоение – это отсутствие сиюминутных желаний, это радость от каждого лучика солнца, от каждого придорожного цветка, это осознание ценности настоящего момента, который уже поэтому прекрасный и, несомненно, самый важный. И нет ничего светлее этой радости.

Примечательно, но, несмотря на наличие денег, меня вдруг стали сторониться цыганки.

Этому объяснения я не знаю, ведь в моей студенческой молодости, когда перебивалась с хлеба на воду, смуглые представители городского кочевого племени не давали покоя. «Хорошая моя, дай я тебе погадаю!» – сколько раз слышала я эти слова в свой адрес. И бежала, бежала от них, стараясь не смотреть в глаза цыганам, кто не слышал об их гипнозе? Об их поистине уникальных воровских талантах? Как же они почувствовали, что это все? Все? Проходили мимо, стараясь не смотреть на меня, и от этого становилось не по себе. Теперь самой просто так хотелось им денег дать, но они обычно шли мимо все как одна, не глядя в мою сторону.

Цветы я долго поливала, а потом вместе с рыбками и котом отнесла это добро соседке, сказала, еду срочно в командировку. Любопытная соседка на этот раз почему-то не спросила, куда еду и надолго ли? Посмотрела с какой-то не то грустью, не то сожалением и сказала, чтобы я за свое имущество не волновалась, она все сохранит в лучшем виде.

Но самое горькое в сегодняшнем дне, что напоследок нельзя даже выпить вина. А как хочется.

Зажигаю свечу и начинаю молиться. «Отче наш, иже еси на небеси и на земли...» – четко представляю небо со всем содержимым и чувствую, ухожу, ухожу безвозвратно...

Кто-то сказал, в молитве человек соединяется с Богом. Так вот это не совсем так. Человек соединяется с Богом в самой искренней молитве, а значит, последней. Мгновение. И я уже вижу себя со стороны. Чуть пухлое лицо, толстые косы. Какая глупость, жить на земле и грустить.

В детстве я слышала такую легенду: когда рождается человек, Господь посылает ему с неба душу. Чтобы мизерное облако долетело до земли, Он прикрепляет к ней зерно. Где человек родился, там оно и приземляется, и со временем вместе с взрослением человека вырастает в большое дерево. Чтобы это дерево всегда было полным жизни, человеку нужно творить добрые дела, радоваться, честно выполнять свое предназначение, и тогда – невидимое миру дерево благоухает, как плакучая верба весной, посаженная возле полноводного озера. А когда человек грустит, злится, оно начинает сохнуть, сбрасывать листья, ветки, а потом и вовсе гибнет и отпускает душу.

Мое дерево далеко отсюда, но я чувствую, как оно вянет. Почему? Ведь я стараюсь не грустить. Ну разве чуть-чуть. Не стоит же из-за этого сбрасывать листья или тем более ветки. Теперешнее мое чувство не передать словами, его можно

понять только на уровне интуиции. Совсем не страшно, не больно, не тепло, не холодно. Знаю, душа сейчас делает большую работу по самоочищению, вспоминаю грешные эпизоды своей жизни, прощаю всех и прощаюсь с каждым. Все происходит медленно и молча, трепещет только сердце, оно как дикая птица в клетке бьется-бьется, будто рвется на волю.

С полной ответственностью могу заявить, что душа есть.

Однажды я брала интервью у пожилой женщины, которая в отдаленном городке почти двадцать лет моет покойников. Призвание у нее такое, а может, и не призвание, а кара небесная. Но это с одной стороны, а с другой – раз ее деятельность кому-то нужна, а ей не то чтобы нравится, нет, просто зарабатывать на жизнь надо, то почему бы и не мыть покойников? В этом деле, как, впрочем, и во всяком, главное привычка. Не более.

Это, пожалуй, как журналистика для меня.

Раз стихи и сказки никому не нужны, а жить надо, то почему бы не писать сиюминутные статьи, «горячие» репортажи, искать сенсации, в которых совершенно никакой пользы. Прочитал – и забыл.

А если и западет такое «творчество» в память, то это обязательно будет из области потребительского, то, что нужно использовать. И все. Впрочем, что это я о себе?

...Желание людей красиво уйти из этой жизни – древнее, очень древнее. Как и весь род человеческий, наверное. Пото-

му и возникла похоронная индустрия. Сначала были фараоны и цари со своими гетерами и плакальщицами, которых к этому ремеслу готовили с раннего детства, сейчас многочисленные похоронные бюро. Но не о них речь. Речь об обычной бабушке, которая уже многие годы моет покойников. И в этом маленьком поселке, где все знают друг друга с детства, знают, ее имя окружено ореолом таинственности, а домик, в котором она живет, стоит на пригорке. Как бы возвышаясь над всем остальным миром.

Началось все довольно давно.

У той женщины с самого начала не получилась личная жизнь. Муж выдался горьким пьяницей, а в плену зеленого змия мог и руку на нее поднять, и на детей, зарплату домой чаще всего не приносил, к тому же частенько воровал деньги у жены, спрятанные на покупку детям одежды, обуви или просто на еду.

В общем, сделал все, чтобы ее жизнь была невыносимой. Она пыталась от него много раз уйти жить к матери, но каждый раз он бежал за ней на другой конец деревни с топором, угрожая, убить и ее, и детей, если не вернутся в дом. Куда деваться? Приходилось возвращаться и жить с ним. Бывало, ночами плакала так, что подушка оказывалась насквозь мокрой. Утром вставала, закрашивала синяки и шла на работу в совхоз, а в обеденный перерыв, когда все, как и написано в законе, отдыхают, бежала на вторую работу – в контору полы мыть, чтобы как-то свести концы с концами.

О себе не думала, но каждый раз, когда она выкраивала копеечку на юбку или кофточку, муж устраивал такую ссору, что хоть святых выноси. Все село жалело ее, но помочь, увы, никто не мог или не хотел.

Как-то после очередной ссоры выпалила в сердцах подруге, что лучше б муж сдох. А та возьми да и посоветуй заказать на живого человека панихиду, авось и вправду его нечистый возьмет. Терять все равно уже нечего. Сказано – сделано.

Вышло так, вернее всего случайно, что в тот же день тело мужа привезли домой. То ли подрался с кем, то ли машина сбила. Видя откровенную нищету, милиционер даже не стал объяснять вдове подробности произошедшего, буркнул что-то вроде «последствия пьяной драки» и быстро ушел. «Допрыгался», – злорадно подумала женщина.

Не было ни чувства сожаления, ни горечи. Просто смерть заглянула в ее дом – и все. Думалось о том, что нет денег на похороны. Страшно сказать, сколько все это стоит! Выкопать могилу – раз, гроб заказать – два, памятник какой-никакой, но поставить надо, да и поминки вроде надо справить. А тело помыть, причесать, костюм купить...

За раздумьями она начала снимать с мужа окровавленную одежду, натопила баню, достала корыто, стала обмывать тело. Вспомнила, что вроде при этих делах полагается церковную свечку зажечь, зажгла и удивилась. Свеча, горевшая у изголовья мужа, вдруг стала быстро клониться пламенем в

сторону спины, как будто хочет дотронуться до тела. Она ее переставила, и снова пламя наклонилось. «Господи, да неужели душа покойного сейчас стоит за спиной?». Утвердительный ответ пришел сам. Стало страшно.

Страшно как никогда в жизни. Выпила залпом полстакана водки, сплюнула и продолжила мыть, стараясь ни о чем не думать. Да и времени на раздумья не оставалось, кругом столько дел.

А после похорон внезапно обнаружила абсолютную пустоту.

Странно, до этого не было ни любви, ни счастья. И даже горя не было по большому счету, ко всему давно появилась привычка и отвращение, и вдруг на2 тебе – почти осязаемая пустота! С которой, по всей видимости, срочно надо было что-то делать. Но что именно делать?

Ответа не было, а вскоре и к пустоте тоже появилась привычка.

Зато теперь она совсем не боится, говорит, что душе бывает порой очень тяжело, она как маленький ребенок плачет, всего боится, когда отходит от тела. Этот ребенок все видит и замечает. И ему очень важно, чтобы его любили, чтобы был такой человек, который останется первым у гроба и последним на могиле.

Это внимание обязательно будет зафиксировано в вечности. Смерть – это ведь дело очень интимное.

Но я журналист тот еще, мне нужны были подробности,

пусть мерзкие, пусть отдающие желтизной, но подробности, которые бы намертво цепляли внимание, может быть, не самого умного читателя к моей статье. Умному «детали» в виде многочисленных татуировок на мертвом теле или ржавого корыта не нужны, а вот глупого читателя только тем и удержишь. И женщина начала рассказывать... о бомжах и «белых воротничках», о том, что довольно часто близкие любят покойников фотографировать, как правило, голых «на память», а потом кладут им в гроб водку, косметику, книжки, свои фотографии, не говоря уж о сотовых телефонах. На них сейчас прямо-таки бум. Положат мобильник в гроб, а потом эсэмэски шлют, с праздниками поздравляют, пополняют баланс...

О люди.

Считается доброй приметой, если молодые познакомятся на похоронах, значит, и жизнь у них будет «до гроба». Бывает, что после смерти в родне сразу рождается ребенок. Такие дети, как правило, вырастают сильными, здоровыми и умными.

Мыть принято при закрытых окнах и зеркалах и желательно в комнате, где любил находиться покойный, среди его вещей. Воду же нужно сразу вылить за ворота, чтобы не напилось какое-нибудь животное, и не под фруктовые деревья.

Обстриженные волосы и ногти сжечь, а одежду раздать нищим. Украшения сразу же после кончины снять, а то покойнику «трудно» потом будет с ними расставаться. И это

нужно сделать близкому человеку.

Мертвые все одинаковые, зато живые настолько разные! Но, в сущности, они делятся на две категории. Те, что любили усопших, и те, что не любили. О, их очень просто узнать! Любящие редко плачут на похоронах, они смотрят на покойников так, будто хотят запомнить их навсегда, где-то на уровне подсознания понимают, что все, что будет потом: старые фотографии, воспоминания, сны в той или иной степени – фальшь.

Сегодняшний день – самый ценный, пока можно потрогать любимое тело, прошептать ему что-то главное, что-то такое, которое важно знать лишь двоим, да, пожалуй, еще ангелам-хранителям. Вот, собственно, поэтому и душа находится рядом. На близком расстоянии душам общаться легче. Но кто сможет дать ответ: где переход от живых к мертвым?

Музыка тишины

Со временем понимаешь, истинны только чувства. У слов в наше время почти не осталось силы. Пройдет какое-то время, померещится звонок телефонный, поднимешь трубку, и твое «алло» намертво врежется в пустоту длинного гудка – и только тогда вдруг до боли четко осознаешь, что любимый никогда не ответит. Не будет больше ни слов, ни взглядов, ни улыбок, живого интереса. И только тогда в кругу полного одиночества примет настоящая горечь утраты, когда это «алло» останется без ответа. Тогда и поплакать можно. И нужно. Чтобы полегчало.

Самое уродливое, при всем при этом так же будут падать снег, дождь, ездить машины, скрипеть соседская дверь.

Про смерть еще напоминают закаты, но я их откровенно ненавижу. Тоже мне радость – смотреть, как медленно догорает день.

Красивый закат означает красивую жизнь и красивую смерть, а где их взять в наше время, наполненное до основания суетой? Зато после смерти любимых мы все становимся мудрее, нас уже не трогают грязные ботинки, злые фразы в переполненном автобусе, так и хочется сказать: «Люди, давайте беречь друг друга, ценить единственную нашу земную жизнь», но даже это не тронет. Каждый раз, каждый отдельно взятый человек наступает на одни и те же грабли: чтобы

научиться любить, беречь, – надо сначала обязательно потерять. Это, увы, аксиома.

Вот пример. Работала я на одного барыгу, хозяина мелкой, довольно ядовитой газетенки. Ох и урод! Никогда не помогал другим, не жалел никого, кроме себя и собственных детей, зло так и перло из него. Частенько говорил, что сделал себя сам, никому ничем не обязан и все такое.

И однажды его младшая дочь стала инвалидом, в одночасье лишилась обеих ног; первое, что я заметила после случившегося, – он начал со мной здороваться, хотя до этого меня не замечал, точнее, если кого-то во мне и видел, то точно не человека, а так, насекомое.

Я вдруг представила, что было бы, если бы дочь, не дай Бог, умерла, и получила ясный ответ – он стал бы человеком в самом полном смысле этого слова. Начал бы вникать в проблемы своих работников, может быть, даже подавать милостыню нищим, наверняка бы стал посещать храм и читать по вечерам Библию или же просто что-то очень важное для души. После этого на меня обрушилась какая-то тяжесть. Получается, я открыла главный закон Неба.

Мало-помалу стали понятны слова молитв, меня больше не трогали различные колкости в свой адрес, впрочем, слова похвалы тоже, нытье близких, старая или немодная одежда, разбросанные по квартире вещи... я разрешила сыну жить, как он хочет. Он попросил соорудить посреди комнаты домик из раскладушки и играть в нем. Ха, какая мелочь!

Я забыла сказать, что мир периодически разбивается на несколько частей, и на мою долю выпадает круг забот, которые иначе как непредвиденными не назовешь. Сын периодически подбирает бездомных кошек, собак, особенно щенков, покалеченных птиц, мышей и даже тараканов. А животные его присутствие странным образом ощущают.

Все началось довольно давно а именно, пять лет назад, когда Лука только-только появился на свет. Стоило его принести из родильного дома, как в нашей крохотной квартирке вместе с маленьким человечком появилось несчетное количество божьих коровок. Ничего подобного никто из многочисленной родни не видел ни до, ни после.

Это было особенно странно, потому что с отоплением были перебои, и в доме царил обычный осенний холод. Время шло, и вместе с ним к нам приходили разные представители фауны: подброшенный котенок, случайно залетевший и не пожелавший вылетать попугайчик, соседи поделились рыбками, а в полу, как раз под детской кроваткой, завелся сверчок.

Со временем это добро было роздано, а ребенок отвезен к бабушке. И в жизнерадостном селе способность Луки притягивать к себе братьев наших меньших сказалась настолько ярко, что стали удивляться даже издававшие виды старики, которые по определению ничему не удивляются.

В день нашего приезда на крышу дома залетела сова, на веранду – пара диких голубей, ласточки обосновались под

крышей, а бабушка по настоянию ребенка вскоре вынуждена была завести кошку и собаку, через пару недель – кроликов. Наш Лученька заставил бабушку выкинуть мышеловку. «Потому что у мыши есть семья, которая будет плакать».

Весной в сезон дождей в огороде оказалась огромная, величиной с человеческую ладонь, жаба. Вот слова Луки: «Смотри, баб, у нее глаза золотые!».

Вскоре бабушка, чертыхаясь на чем свет стоит, доставала из чулана резиновые сапоги и вместе с внуком и жабой в пакете ехала на велосипеде к пруду, чтобы отпустить туда земноводное.

* * *

Мир животных мало-помалу стал внедряться в мое сознание. Так, читая разную литературу, я уже стала обращать внимание на латинские названия и характеристики зверей, например, вид гадюки обыкновенной, распространенной почти на всем земном шаре, оказывается, *vipera bonys*, что лично для меня разъясняет многое. А эпидемия среди животных называется эпизоотия.

А есть даже такие рыбы, которые живут в кислоте, например, в кратере японского вулкана Катанума.

Еще несколько раз мы с родственниками проводили эксперименты. Так, чтобы увидеть в лесу дикое животное, достаточно было взять с собой Лучка, и белка, серна или да-

же рысь обязательно покажется, но стоит пойти в лес одному, ничего, кроме шустрых птичек, не увидишь. Впрочем, по этому поводу я особой радости не ощущаю. Боюсь за безопасность родного человечка.

Особенно меня пугает лето, когда в карманах сына прочно обживаются всякие жучки-паучки. Во мне живет страх, что кто-нибудь из принесенного этим удивительным мальчиком насекомого или зверья окажется ядовитым и тогда...

Однако зимние месяцы не менее хлопотные. Наиболее тяжелым выдался минувший год. В нашем микрорайоне развелось много бродячих собак, понятное дело, голодных, которых Лука решил кормить.

Выглядело это так: идет мой карапуз в детский сад, рост чуть выше табуретки, плюшевый портфель на плечах, а за ним бегут все собаки с окрестных улиц, ладно бы одни псы здоровые, а то ведь и мамаша со щенками. Проводит стая своего Лучика и ждет, пока он какую-нибудь котлетку им не вынесет.

Это одна сторона медали, другая – все то же усыновление зверья, как правило, неухоженного, не умеющего пользоваться туалетом. В минувшее лето чудо-ребенок отдыхал на Севере, уж там, думала я, разных гадов не достать.

О, как я ошибалась!

Буквально на следующий день по приезде Лука взял шефство над длиннющим ужом, который с удовольствием питался требухой от карасей. «А можно я его домой привезу?» –

вскоре слышала я по телефону счастливый голос доброго человечка.

На прошлой неделе Лука спас жизнь придавленной воротами у детсада крысе. Он пришел к поварихе и сказал: «Вот вам семь рублей, пожалуйста, отодвиньте ворота, там живая серая большая мышь. Вы знаете, у нее тоже есть душа...»

Иногда во мне просыпается что-то первобытное, и это «что-то» мне подсказывает, что маленькому философу будет трудно, он должен стать охотником, ведь каждый мужчина должен быть немножко охотником! Но проходит время, и я утешаю себя тем, что кому-то нужно спасать этот мир от людей, во всяком случае, от многих из них. Страшно? Да. Но кто-то должен открывать мир животных для людей или наоборот?

В то же время у своих родственников я стяжала славу безалаберной дамочки, которой собственная судьба «по барабану». Но было поздно. Мы с Лукой научились культивировать счастье. И долгое время – вплоть до того дня, когда я узнала о диагнозе, были полноценно счастливы.

Это было так странно! Впервые я четко осознала, что не хочу путаться в длинном, но красивом халате, сойдет старая футболка, изношенные тапочки, главное – мне в этом удобно и легко. Боже, какое счастье не зависеть от чьего бы то ни было мнения!

А главное – делать, что подсказывает внутренний голос. Я стала много голодать. И в это поверить трудно, но без

водки, без разговоров «за жизнь», без чьего-либо одобрения моих поступков была счастлива, у меня оказался неплохой голос, и я часто пела разные песенки. Нет, не надрывно, как раньше под гитару, чтобы кому-то понравиться и услышать комплименты, а для себя.

А потом у меня совершенно изменился вкус, восприятие запахов и цветов. Интуитивно я понимала, что так и надо. Не случайно во всех религиях мира есть посты, это нужно затем, чтобы научиться чувствовать потребности своего организма, движения токов крови, биение сердца.

По ночам я писала стихи, по правде сказать, писала их и раньше, но тогда я старалась тщательно подбирать рифмы, каждую, как мне казалось, мудрую мысль непременно обрамляла в тонкие словесные кружева. Теперь же мне были интересны мысли в чистом виде, и стало безразлично, рифмуются они или нет. Хотя, надо признать, чаще они все-таки рифмовались.

И однажды, о, я прекрасно помню тот день, я вполне четко осознала: свободна! Свободна от чужих мнений и предрассудков. От всевозможных давлений на мою окрепшую теперь личность. И если кому-то или чему-то подчинена, то уж точно не человеческому влиянию.

Это поняли и окружающие, мне стало невозможно навязать чью-либо волю, привить определенный тип мышления или просто модную штучку. Тогда же я обнаружила, что обожаю оранжевый цвет.

А мои новые наряды и косметика стали вызывать зависть и восхищение. Не помню кто, да и уже не важно, но в детстве мне внушили солидное количество комплексов и страхов.

И вот пришло то счастливое время, когда я с ними начала расставаться каждый день.

Каждый день я неизменно говорила: «До свидания, пустое красноречие! До свидания, сутулые плечи! До свидания, боязнь высоты! До свидания, страх быть непонятой! До свидания, неуверенность в словах, мыслях и поступках! До свидания, плоскостопие! До свидания, лживые оправдания! Люди! Рождается новый, совершенно новый человек!!!».

Примечательно, но в то важное для меня время меня никто не слышал, хотя я, как и прежде, была в центре внимания, профессия у меня такая – мелькать, мелькать, глупо улыбаться. Я, как и раньше, постоянно находилась на публике, все также посещала новомодные тусовки и... угасала понемногу.

Нет хуже одиночества, чем одиночество в большой компании. Блеск победы над собой в «зеркале души» по-прежнему никого не манил, скорее наоборот – отпугивал, победителей обычно любят только на словах.

Мое самочувствие резко стало ухудшаться, началась частая одышка. А вместе с ней появились всепроникающая слабость и головокружение.

Как-то ранним утром я пошла к священнику на исповедь, но церковь оказалась закрытой. И тогда я забрела на старое

кладбище, где уже с середины минувшего века не хоронят, кто-то мне пару лет назад рассказывал, что у большинства, покоящихся здесь, из родни в живых уже давно никого не осталось, за такими могилами ухаживают только церковные работники.

Стоило дойти до середины, как вдруг почудилось, что могилы медленно открываются и из них выходят люди. «Мама!» – закричала я изо всех сил и бросилась бежать. Когда бежала, поранила об острую церковную ограду ухо, и показалось, что оно оторвалось. Боль мгновенно пронзила меня с головы до ног. И, добежав до входа в храм, прямо у ступенек я рухнула в обморок. Последнее, что я отчетливо помню, – невероятно синее небо. Такого яркого неба я еще не видела никогда в жизни. Синева основательно заполнила меня всю.

А может, я уже в другом мире, что откроет мне подсознание?

...После непроходимой темноты обнаруживаю вокруг большие горящие факелы, вижу себя почему-то со стороны.

Я – прозрачно-светлая и легкая, вся в воздушно-белом. Уверенно иду навстречу теплоте солнечному свету. Кругом мрак, темнота, но мне туда не нужно, я иду вперед к ослепительно-ярким лучам. Я уверена, что за ними скрывается новая, более совершенная жизнь, где все с самого начала правильно. Там принято беречь друг друга и заботиться обо всем, что окружает.

Но что это? Стоит только подойти ближе к свету, как на-

чинается шквальный ветер, который относит меня обратно. Я судорожно цепляюсь руками за краешек теплого ускользающего луча. Ветер крепчает. Еще немного, и меня унесет туда, куда мне совсем не хочется. Иду на хитрость – привязываю свою косу к солнечному лучу. Но луч тут же становится все тоньше и тоньше, затягиваю потуже. С ужасом смотрю вниз.

Прямо подо мной – Земля со всеми морями, океанами, лесами, горами, равнинами, разными формами жизни, многие из которых человечеству еще неизвестны, замусоренными горами и равнинами в несколько раз обмотана нитями железных дорог и электрических проводов. Я истошно кричу.

Вдруг чувствую легкое чуть влажное прикосновение, запах первых майских фиалок и сирени и пронзительно острую боль в области левого уха. Открываю глаза. Надо мной склонился настоятель храма – отец Сергей, у него руки испачканы в глине. Видимо, возился с клумбами на могилах, услышал шум и помчался сюда. «В храм надо ходить чаще. Исповедоваться, причащаться, да и просто на службе стоять с вниманием сердечным. Слышишь? Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь...» – говорит тихим убаюкивающим голосом.

Мне становится понятно, что просто так в тот мир, за который я только что судорожно пыталась зацепиться, не попасть.

Охватывает неимоверная тоска. Затем тяжелая скука, граничащая с унынием. В голове откуда-то быстро появляется туман, так же быстро туман окутывает меня целиком, хочется верить, что это пройдет. Но откуда-то появляется твердое убеждение: не пройдет. Никогда!

Главное в моей нынешней ситуации, чтобы все грехи, какие только есть в нашем большом и древнем роду, закончились на мне и не переходили на потомков. Почему-то об этом я подумала только сейчас.

Это – действительно главное. Тогда, может быть, кто-нибудь из моих близких, которые будут жить и умирать много лет спустя после меня, удостоится жить Там.

Я же давно своими делами выстроила преграду в тот мир, и жалеть тут нечего.

В памяти всплывают неприятные факты. Вот я равнодушно смотрю, как убивают змею, вот беззастенчиво вру на исповеди, украшая себя, потом несу какую-то чушь сыну, а вот спорю с мамой...

Билет на небо

А вскоре я по-настоящему научилась смотреться в зеркало. Та женщина, которая ежедневно по несколько раз появлялась в нем, была довольно похожа на меня. Она, так же как и я, плохо следила за бровями, в итоге они у нее были то широкими, то узкими. Впрочем, судя по ее внешнему виду, она по этому поводу не особенно переживала. Ее мало волновало, что о ней будут думать или говорить. У нас схожи также формы носа и губ. Точь-в-точь. Но глаза у нее... Как бы сказать, какие-то совсем нездешние. Чужие.

В этом, пожалуй, и вся разница между нами. Она смотрела на людей, нет, не свысока, а несколько отстраненно.

В ее глазах, как я понимаю, все они выглядели обычными земными организмами. Не более. Она глядела проницательно-отстраненно на человека и все о нем знала, что его беспокоит, какие проблемы или радости у него на душе. Чем живет. Более того, она давно знала все тайны еще не написанных книг! И ей от этого знания становилось невыносимо скучно. Я часто пугалась безысходной тоски в ее глазах.

Казалось, однажды она выйдет на мой балкон, сядет, как я обычно сажусь, беспечно болтая ногами над каменной пропастью, и шагнет в пустоту. Нет, мне ее не жаль. Просто почему-то хотелось ее удержать здесь, что-то в ней было такое, что очень нужно было удержать.

У меня, например, совсем другие глаза, они всегда внимательно смотрят на каждого человека, изучают. От них трудно что-то утаить, но они живые. Живые! Настоящие! Видимо, поэтому она искренне ненавидела меня, а я – ее.

Мы могли целыми часами молча, не мигая, смотреть друг на друга. Эта привязанность-ненависть настолько нас сблизила, что, когда у меня не было возможности глядеться в зеркало, я невероятно скучала по ней, по ее отстраненному и в то же время пронизательному взгляду.

Однажды я пришла домой очень поздно и слегка навеселе, на мне был красивый бирюзово-голубой костюм с подчеркнутой талией и множество тоненьких серебряных браслетов, она тоже все это надела и уверенно прошла передо мной.

Я, внимательно глядя в зеркало, не выдержала и все-все ей рассказала, что думаю о ней, ее поведении и привычках. А главное – странных глазах. И что же она? Она быстро закрыла руками глаза, а потом, видимо, справившись с первоначальным волнением, которое она всегда так умела тщательно скрывать, сквозь разжатые пальцы мне прямо в лицо рассмеелась, хищно обнажая зубы.

Я не вытерпела такого издевательства и со всей силы ударила ее по правой щеке, она тут же, не медля ни секунды, мне ответила звонкой пощечиной, при этом один из ее браслетов слетел и тут же закатился за комод, мои же все как один оставались на месте.

Я остолбенела от ужаса. Ее браслет, очень похожий на

мой, валялся в моей комнате. Нет, я не собиралась его доставать. Она быстро поняла это, посмотрела высокомерно на мои браслеты и, чуть сузив глаза, выпячив нижнюю губу, ехидно улыбнулась, всем своим видом показывая, мол, что ты сейчас еще выкинешь? Что бы ты ни выкинула, мою ослепительно-зеркальную и холодную сущность все равно не проймешь. Никогда. Ни за что! Подумаешь, браслет! Повернулась, поправила уложенные, как у меня, волосы и надменно ушла.

Я постучала по зеркалу, но она и не подумала выходить. Я постучала сильнее, зеркало отразило только стену и часть старой картины. Ни меня, ни ее в нем почему-то не было.

Меня неимоверно потянуло на балкон. Я открыла окно, пронзительно-холодный ветер с юга быстро ворвался в квартиру и тут же начал по-хозяйски разгуливать по комнатам, теребя шторы и перебирая края люстры, в доме враз сделалось неуютно и холодно, я быстро взобралась на оконную раму, прямо подо мной открывалась пустота. Там, на земле, как на дне колодца, виднелись в полумраке булыжники. Еще мгновение. Одно мгновение. Всего-то ничего! И я буду рядом с ними. Темно и тихо. Так, наверное, должно быть, когда вокруг пустота – темно и тихо. Вспомнила недавний стих, который еще не успела записать, а может, и не нужно записывать разную банальщину? Ничего особенного. Абсолютно ничего:

Я за свою беспечность
Чуть было не канула в Вечность.
Приняла пустоту за глубину
И лишь случайно не пошла ко дну.

Так странно, стихи выражают всю мою сущность до самого основания. А иногда и предвещают события моей жизни.

Я это давно заметила, но тем не менее всякий раз поражаюсь этой их заранее известной точности.

Внезапно в комнате раздался странный шум, я спрыгнула с подоконника и побежала на звук. Разгулявшийся ветер разбил вдребезги большое зеркало в коридоре. Мой враг подмигивал мне равнодушно из многочисленных осколков и улыбался, как бы прощаясь со мной раз и навсегда.

А когда я, основательно поранив руки, сложила все зеркальные куски в огромную стопку, пришло облегчение, я поняла, что больше ее не увижу, сразу в квартире сделалось очень уютно и просторно, меня стало клонить ко сну – в совершенно другое измерение вечности. Какое счастье все-таки избавиться от врага раз и навсегда. Так мне казалось в тот вечер. И я была счастлива.

В ту же ночь меня посетил прекрасный юноша с ангельским ликом. От его лица шел такой ясный и такой чистый свет, что я поневоле зажмурилась.

– Не бойся, – сказал он мне и бережно взял за руку.

– Это сон? – спросила я.

Какая глупость! Спрашивать столь очевидные вещи! И не

все ли равно мне? Я протянула руку своему спутнику. Мы полетели.

Чувство полета, оно невероятное. Теплый ветерок нес меня осторожно, как большую драгоценность, я полностью, по-детски безотчетно, подчинилась стихии и вдруг поняла одну важную особенность: стоит мне хоть немного, хоть чуть-чуть, самую малость приложить мысленных усилий, как я сразу окажусь в нужном месте. Как мне этого не хватает в нашей обычной жизни, где приходится ежедневно напрягаться изо всех сил, понапрасну растрачивая себя, причем, как правило, на сущие пустяки. Чего уж мечтать о больших делах, которые даются с громадным трудом? В мире, где я живу наяву, многое, слишком многое, решают деньги и связи, и горе тому, у кого всего этого нет. Он может жить только в положении раба. Работать за еду, одежду, коммунальные услуги. Только так!

* * *

Снизу доносился пряный запах свежескошенной травы, и еще я успела разглядеть невероятно ярких зеленых светлячков. Их было так много, что мне показалось, будто я в сказочном ночном городе. Ночная мгла стала постепенно рассеиваться, забрезжил рассвет.

– Хочешь увидеть Вавилон? – спросил прекрасный юноша с ангельским ликом.

Я удивленно посмотрела на него. Мы уверенно спустились на землю. Башни как таковой я не увидела. Ее только-только начали строить. Молодые мужчины весело укладывали камни, постоянно подтрунивая друг над дружкой. Неподалеку текла небольшая река, через нее на огромных веревках был протянут мост, а за ним в небольшом овраге паслось несколько стад овец, за которыми лежа присматривал ленивый пастух.

Поскольку мы были полностью невидимы, то смогли подлететь слишком близко и даже услышать незатейливую пастушью песенку.

Звон разбитой чаши хозяина разбудил,
Звон разбитой чаши хозяина удивил.
Позабылись звуки, цвет и аромат,
Но слуга в этом совсем не виноват.
Как вода из чаши, молодость утекла...
Молодость пролилась – старость не спасла.
Просто позабылось про цвет и аромат,
Не слышны звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.